

— При... привет? — Ся Чэнь присел на корточки перед покрасневшим цветком-громкоговорителем. Он намеренно растягивал слова и говорил тише, отчего его и без того детский, нежный голосок зазвучал совсем приторно.

Сам он этот писклявый ребячий тон терпеть не мог и всем сердцем ждал, когда уже наконец начнётся мутация голоса. Но сейчас рассудил иначе: в детском обличье есть свои прелести. Если на том конце кто-то отзовётся, то голос ребёнка уж точно поможет усыпить бдительность.

— Ни звука. Может, он где-то в глуши? — Ся Чэнь подождал немного, но цветок молчал. Не решаясь действовать напролом, он мысленно обратился к системе: «Тунбань, как думаешь, где он?»

«Понятия не имею», — отозвался Ся Тунбань в его голове.

Ся Чэнь призадумался, наклонился чуть ближе к бутону и позвал снова:

— Эй, там есть кто-нибудь?

Прошло довольно много времени. Ся Чэнь уже потерял надежду и собирался убрать цветок-громкоговоритель обратно в системное пространство, как вдруг из глубины лепестков донёсся чистый, но слегка хрипловатый юношеский голос:

— Ты кто такой?

«Вот это повезло!» — радостно воскликнул про себя Ся Чэнь. Дети ведь куда доверчивее взрослых, обвести их вокруг пальца — пара пустяков.

Было бы здорово разузнать, где этот малец находится. Если далеко, можно общаться как по сети, а если где-то поблизости — лучше выкупить у него парный цветок. Серебра на такое дело точно не жалко.

Ся Тунбань, видимо, тоже не ожидал от хозяина подобного везения, однако поспешил вылить на него ушат холодной воды: «Не недооценивай детей. Твой цветок после привязки, конечно, не завянет сам по себе от капризов природы, но если тот мальчишка сломает свой бутон нарочно, то и твоя связь оборвётся навсегда».

Предупреждение системы заставило Ся Чэня посерьёзнеть. Нужно было во что бы то ни стало расположить к себе маленького собеседника. Опасаясь, что тот потеряет терпение, Ся Чэнь прильнул к бутону и пролепетал самым невинным детским голоском:

— Я... я маленький цветочный дух.

Сказать правду — мол, я обычный человек — никто бы всё равно не поверил. Оставалось уповать на то, что у мальчика на том конце провода найдётся хоть капля детского воображения, и он не вздумает сорвать говорящее чудо-растение.

Однако собеседник повёл себя совсем не так, как ожидал Ся Чэнь. Голос на той стороне прозвучал ровно и холодно:

— Вообще-то мы в столичном храме Баочэн.

Ся Чэнь онемел.

Конечно, узнать, куда именно прибило его бутылку с посланием, было здорово. Но каков расклад! Какому цветочному духу взбредёт в голову обрести разум прямо под носом у толпы буддийских монахов?

— Я... я просто долго слушал, как монахи читают сутры, — принялся на ходу сочинять Ся Чэнь.
— Слушал-слушал, а потом в один прекрасный день вдруг заговорил.

Он без зазрения совести молот чепуху. Раз мальчишка не побежал сразу сдавать диковинку настоятелю, а завязал разговор, значит, общий язык найти удастся.

В это время в тихом дворике столичного храма черноволосый мальчик небрежно опустился на траву прямо среди зарослей. Он заворожённо разглядывал единственную во всём саду белую камелию. Ещё мгновение назад её лепестки пламенели багрянцем, словно свежая кровь, а теперь прямо на глазах налились молочной белизной.

И вот теперь какой-то маленький обманщик уверял, будто он — цветочный дух, и пытался втереться в доверие своим вкрадчивым, писклявым голоском.

Тяжёлая, мрачная аура, окутывавшая юношу, незаметно рассеялась. Губы его тронула едва заметная усмешка. Приблизившись к белой камелии, он негромко произнёс:

— Это уединённый двор на заднем склоне горы Баочэн. Голоса молящихся монахов сюда не долетают.

Дух надолго замолчал. Когда же он подал голос вновь, в нём уже явственно слышались слёзы:

— Я хороший... Правда! Пожалуйста, не лови меня!

Усмешка юноши стала шире. Надо же, испугался невинного вопроса и сразу в слёзы. С такой трусостью — и лезть в обманщики?

Все цветы в этом саду были посажены лишь недавно, их привезли из питомника. Если этот неведомый дух даже не понимал, где находится, значит, его сознание зародилось совсем недавно. И если бы юноша не занёс руку, собираясь вырвать с корнем эту странную камелию, тот наверняка затаился бы и промолчал. Кто бы мог подумать, что в этой новой, повторной жизни его ждёт столь забавное развлечение?

— И как же ты докажешь, что ты хороший? — с мягкой усмешкой спросил он, с удовольствием дразня невидимого собеседника.

Хотя этот дух даже человеческий облик принять не мог, один только писклявый голосок пробуждал в юноше желание довести его до настоящих, горючих слёз. Он и не подозревал, что его маленький дух на другом конце провода действительно вовсю размазывал слёзы по щекам — вот только страх тут был совершенно ни при чём.

— Да что за невыносимый ребёнок? — шмыгая носом, жаловался Ся Чэнь системе, обильно промывая глаза прохладной водой.

Разумеется, плакать он и не думал. Просто он слишком долго не упражнялся в актёрском мастерстве, и фальшивые рыдания могли сорваться в любой момент. Боясь разоблачения, Ся Чэню пришлось пойти на крайние меры — вытащить из запасов луковицу и устроить себе сеанс принудительного плача.

«По его тону не похоже, что он тебе не верит. Зачем тогда спрашивает?» — недоумевал Ся Тунбань.

Его модуль искусственного интеллекта был заточен под прагматичные задачи, а не под тонкости человеческих взаимоотношений. Хотя система мыслила почти как живой человек, некоторые нюансы эмоций всё ещё ставили её в тупик.

— Издевается он, — хмыкнул Ся Чэнь, у которого тоже загорелся азарт. Как-никак, в прошлой жизни он дожился до двадцати и успел вырастить троих детей. Чтобы его, взрослого человека, держал за дурака какой-то столичный барчук? Ну уж нет.

— Смотри и учись, Тунбань. Сейчас я покажу тебе, как нужно укрощать капризных детей, — Ся Чэнь коварно прищурился и вновь склонился над цветком, мгновенно вернув голосу сладость спелой дыни: — Я правда хороший... Я людей совсем не ем! Братик, пожалуйста, не лови меня, у-у-у...

Для пущей убедительности он даже зажмурился и потёр кулаками веки.

Если бы у Ся Тунбаня было лицо, система сейчас наверняка бы прижала ладонь ко лбу. Ся Чэнь так высокомерно называл собеседника «ребёнком», но его собственное поведение едва ли отличалось зрелостью.

Впрочем, Ся Чэнь уже с головой ушёл в эту негласную битву умов и на молчание системы не обратил внимания. Из бутона донёлся тихий, бархатистый смешок. Ся Чэнь невольно потёр ухо — а ведь у этого вредного мальчишки был на удивление приятный голос.

— И какого же ты вида, маленький дух? — спросил тот, решив больше не мучить трусишку вопросами о добре и зле.

«Да человек я, человек!» — мысленно буркнул Ся Чэнь, надув щёки.

Он и сам понятия не имел, к какому растению привязался его цветок-громкоговоритель на том конце. По логике вещей, там тоже должно было вырасти что-то похожее на вьюнок. Но раз он не знал наверняка, то решил пойти на хитрость и перевёл стрелки:

— Я... я сам не знаю. Я ведь не могу увидеть себя со стороны. Братик, а ты видишь, какой я цветок?

— Взгляни на те цветы, что растут рядом с тобой. Вы одного вида, — спокойно посоветовал юноша.

Ся Чэнь мысленно выругался. Какая досада! Вокруг него в системном пространстве рос лишь один-единственный Цветок-громкоговоритель, и он совершенно не представлял, в каком окружении росла её сестра в монастырском саду.

Ся Чэню начало казаться, что проще отправить отдуваться за себя систему — у него самого аргументы стремительно подходили к концу.

Во дворике храма юноша коснулся губ, едва сдерживая смех. Судя по долгой паузе, его маленький дух действительно был слеп к окружающему миру и мог лишь говорить. Ладно, не стоило запугивать кроху слишком сильно. Если тот испугается и спрячется навсегда, где потом искать такую прелестную забаву?

Вскоре Ся Чэнь услышал из бутона мягкий вздох:

— Прости. Я не вижу, поэтому не смогу подсказать, как ты выглядишь.

Ся Чэнь замер. Неужели этот мальчик... слепой? В груди шевельнулось острое чувство вины. Как он мог так безжалостно разыгрывать незрячего ребёнка?

— Ничего страшного! — поспешно, со всей искренностью отозвался он. — Я... мне другие цветы рассказывали много разных историй. Если хочешь, я буду пересказывать их тебе? А сам я, наверное, просто обычный Цветок-громкоговоритель.

Из сострадания Ся Чэнь даже забыл притворяться и заговорил своим обычным тоном, хотя его природный детский голосок всё равно звучал мягко и нежно. Он даже не заметил, какую глупость сморозил: если он Цветок-громкоговоритель, то как он мог вырасти посреди клумбы с благородными камелиями?

Юноша в саду едва сдержал хохот, уткнувшись лицом в ладонь. Он осторожно, едва касаясь, обвёл пальцем нежные лепестки белой камелии и с нескрываемой весёлостью в голосе предложил:

— Раз так, может, звать тебя Цветком-громкоговорителем? Или... Трубочом?

Ся Чэнь мысленно скорчил кислую мину. «Трубоч»? Ещё чего! На фоне этого дурацкого прозвища домашнее имя Юаньбао казалось верхом изящества.

— Тебе не кажется, что мне нужно настоящее имя? — сморщив нос, деловито возразил Ся Чэнь. — В мире полно Цветков-громкоговорителей, и если каждого звать одинаково, возникнет путаница.

— И как же ты хочешь назваться? — поинтересовался юноша.

Ся Чэнь призадумался. У него уже было имя Ся Чэнь и домашнее прозвище Юаньбао. Неужели придётся придумывать ещё и сетевой псевдоним? Ничего путного в голову не шло.

— Как тебе... Юаньбао? — робко предложил он. — Я слышал от одной травы-монетки, что юаньбао — это что-то очень ценное и дорогое.

В дальнем конце монастырского двора слуга Чжэлю с тревогой наблюдал за своим молодым господином. Тот стоял посреди клумбы, и плечи его мелко подрагивали от безмолвного смеха. Чжэлю безумно хотелось подойти, но он не смел ослушаться: молодой господин ненавидел, когда нарушали его уединение. И всё же это было странно. Молодой господин не улыбался уже целую вечность, а если и усмеялся прежде, то от этого взгляда кровь стыла в жилах. Нынешнее же его веселье выглядело пугающе непривычным.

— Хорошо, — с трудом сдерживая смех, согласился юноша. — Юаньбао так Юаньбао. Прекрасное имя.

Он действительно не ожидал, что решение удалиться от столичной суеты и семейных дразг в этот тихий монастырь обернётся столь невероятным чудом — встречей с глупеньким цветочным духом камелии по имени Юаньбао.

Ся Чэнь расслышал в бутоне приглушённое фырканье. Поняв, что мальчишка всё-таки поднял его на смех, он смущённо покраснел. Впрочем, какая разница? Лично они никогда не увидятся, так что пускай зовёт Юаньбао — лишь бы незрячему ребёнку было в радость.

Потерев горящие щёки, Ся Чэнь тихо спросил:

— А как мне называть тебя?

Настроение у юноши явно улучшилось, в его голосе сквозила мягкость:

— Меня зовут Цзыцзянь. Но ты, Юаньбао, можешь по-прежнему звать меня старшим братом.

Ся Чэнь скептически скривился.

«Ещё чего! Кто тут из нас старше — большой вопрос. Назвал разок братиком ради дела, а он уже и нос задрал. Я, на минуточку, две жизни прожил, стану я ещё перед мелким шкедом пресмыкаться!»

Разумеется, вслух он этого говорить не стал — всё же Цзыцзянь был слепым и обделённым заботой ребёнком.

— Цзыцзянь, — вежливо произнёс Ся Чэнь, обозначая свои границы.

Раз уж доверие было завоёвано, и сдавать его монахам никто не собирался, Ся Чэнь решил разузнать побольше о своём новом знакомом:

— Цзыцзянь, а почему ты живёшь в храме?

— Лечусь, — бесстрастно отозвался тот. — Мой старший брат от наложницы столкнул меня в озеро, а отец объявил всем, что я повредился умом, и усладил меня сюда с глаз долой.

Голос Цзыцзяня оставался пугающе ровным. Он не солгал ни единым словом, но предпочёл умолчать о деталях: о том, как уходя под воду, мёртвой хваткой вцепился в этого самого братца Вэнь Бо и едва не утопил его в придонном иле. Если бы не желание заставить подонка сполна испить чашу страданий в грядущем апокалипсисе, он бы прикончил его прямо там, на дне пруда.

— Как твой отец мог так поступить?! — вспыхнул Ся Чэнь.

В его памяти мгновенно ожил образ его собственного ничтожного родителя из прошлой жизни. Обида вспыхнула с новой силой. Когда его единокровный младший брат выплеснул ему в лицо кипящий суп и потребовал убираться вон, отец точно так же выгородил любимчика, заявив, что тот ещё маленький, а Ся Чэнь как старший обязан во всём уступать.

— Пожалуйста, не грусти из-за него, — неловко попытался утешить мальчика Ся Чэнь. В

подростковом возрасте он сам пролил немало слёз из-за несправедливости отца, а потому прекрасно понимал эту боль. — Такие родственники не стоят твоих слёз. Береги себя. Чем хуже тебе будет, тем радостнее им, так что ты просто обязан жить назло им всем и заботиться о себе.

Вэнь Шу удивлённо приподнял брови. В прошлой жизни он тащил на себе непосильное бремя сыновней почтительности слишком долго, и осознание пришло к нему слишком поздно. Кто бы мог подумать, что этот наивный цветочный дух окажется столь пронизательным? Неужели это и есть пресловутая мудрость, скрытая за детской простотой?

Но постой. Откуда духу знать об ухищрениях человеческих отношений? Неужто у лесных цветов тоже есть отцы и братья? Глупость какая.

Улыбка на лице Вэнь Шу угасла. Теперь он смотрел на белую камелию с явным прищуром. Похоже, у его маленького питомца тайн было куда больше, чем казалось на первый взгляд.

— Ой, да я просто... к слову пришлось, — спохватился Ся Чэнь. Не дождавшись ответа, он осознал, что в порыве чувств сболтнул лишнего, совершенно не думая о роли бесхитростного лесного духа.

— Твои слова полны мудрости, Юаньбао. Но откуда у маленького цветка такие познания о людских судьбах? — вкрадчиво и мягко поинтересовался Цзыцзянь.

У Ся Чэня по спине пробежал холодок.

— Я... я просто слышал, как об этом шептались другие цветы! — Ся Чэнь в панике лихорадочно соображал, как спасти легенду. Он напрочь забыл, что может в любой момент оборвать связь, просто выбросив цветок-громкоговоритель из системного пространства. Вместо этого он изо всех сил старался не выйти из роли.

— У нас тут росла дикая пионовидная роза, её раньше держали в богатом саду, она много чего повидала! — вдохновенно врал он. — А ещё сорняки у дороги, они вечно подслушивают чужие разговоры. Трава-монетка часто пересказывала уличные байки. Они мне столько всего поведали! Если захочешь, я тебе потом тоже расскажу.

Ся Чэнь выстраивал ложь бережно и последовательно. Дети вроде Цзыцзяня — одинокие, обделённые родительской любовью да ещё и слепые — легче всего ломаются внутри и ожесточаются. Он решил, что будет потихоньку кормить мальчика житейскими историями и поучительными притчами. Пусть у этого несчастного ребёнка появится хоть какая-то опора в жизни.

Ся Чэнь попытался припомнить великих слепцов из своего прошлого мира, но в голову навязчиво лезла лишь печальная мелодия «Отражение луны в источнике Эрцюань»... Слегка смутившись, он хотел было продолжить свои поучения, как вдруг заметил, что алое свечение

на лепестках лозы начинает тускнеть.

«Заканчивается энергия?»

Помня о незрячести своего маленького друга, Ся Чэнь испугался, что тот заговорит с цветком, не получит ответа и решит, будто его бросили.

— Цзыцзянь, мои духовные силы на исходе, — торопливо заговорил он. — Мне нужно отдохнуть. Если захочешь поговорить, просто погладь мои лепестки. Как только я наберусь сил, я обязательно тебе отвечу!

Этот способ он выяснил опытным путём: поглаживание лепестков работало как вызов абонента. При первой активации связь установилась автоматически, так как привязка ещё не завершилась. Теперь же, когда цветы синхронизировались, при достаточном уровне энергии бутон на другом конце начинал мягко светиться. Ответное прикосновение к лепесткам принимало звонок, после чего окраска бутона менялась, сигнализируя о начале сеанса связи, который длился до полного истощения заряда.

Зарядка же происходила от обычного солнца. По сути, эти цветы работали как портативные рации, и если закрыть глаза на случайную привязку и невозможность связаться с кем-то третьим, устройство было феноменально удобным.

Поскольку Цзыцзянь был слеп и не мог увидеть свечение бутона, Ся Чэнь не стал усложнять объяснения и просто договорился, как тот сможет вызывать его, чтобы мальчик не чувствовал себя брошенным.

В монастырском саду белая камелия внезапно вновь налилась багрянцем. Вэнь Шу вздрогнул от неожиданности, но не успел он и рта открыть, как цветочный дух выпалил прощальные наставления. Стоило лепесткам окончательно вернуть свой первоначальный кроваво-красный цвет, как связь оборвалась. На его зов больше никто не отзывался.

Вэнь Шу осторожно коснулся пальцами лепестков. Красная камелия испустила едва заметный, слабый импульс света и тут же угасла.

— Духовные силы?.. — юноша задумчиво оглядел потускневший цветок. — Интересно, а чем питаются цветочные духи?

Сумерки медленно опускались на монастырский двор, но Вэнь Шу продолжал стоять перед клумбой. Пусть рассказы этого Юаньбао о говорящих пионах и сплетничающих сорняках звучали сомнительно, его искренняя, тёплая забота была самой что ни на есть настоящей.

Он уже и забыл, каково это — чувствовать чьё-то тепло. В прошлой жизни он погиб совсем молодым, в двадцать два года, после чего больше десяти лет влачил неживое, чудовищное

существование.

Да, он переродился. Обычного человека весть о существовании цветочного духа повергла бы в ужас или трепет, но только не Вэнь Шу. На своём веку он повидал вещи куда более страшные и необъяснимые. Судьба даровала ему второй шанс, отбросив назад во времени — в тот самый год, когда ему исполнилось двенадцать.

Цзыцзянь — это было его взрослое имя, стильное имя. Звали же его Вэнь Шу, и являлся он законным наследником древнего и могущественного рода Динго-гуна из столицы. Его покойная матушка происходила из знатной семьи Линь, принадлежавшей к роду маркиза Пинлэ.

Мать он потерял ещё в раннем детстве. Не успел пройти траур, как её двоюродная сестра вошла в дом Динго-гуна в качестве новой хозяйки, а год спустя разродилась вторым сыном — Вэнь Чжо.

В прошлой жизни в это самое время Вэнь Шу изнывал от сильного жара, прикованный к постели. А виной всему было его заступничество за единокровного брата Вэнь Чжо, когда того обижал старший — незаконнорождённый Вэнь Бо. В пылу ссоры Вэнь Бо толкнул десятилетнего Вэнь Шу в ледяное озеро.

Когда мачеха Сяо Линь отправила весть о болезни пасынка в дом маркиза Пинлэ, его старший дядя тут же прибыл в поместье, чтобы восстановить справедливость. Но отец Вэнь Шу, действующий Динго-гун Вэнь Хай, велел поднять тяжелобольного сына с постели и приказал ему солгать дяде — заявить, будто падение в воду было лишь невинной детской шалостью, и никакой обиды на старшего брата он не держит.

Несмотря на статус старшего законного сына, жизнь Вэнь Шу в родном доме была далека от сказки. Рано лишившись материнского тепла, он рос под крылом мачехи, которая на людях всегда души в нём не чаяла, осыпала ласками и никогда не ругала. Обладая не по годам острым умом, мальчик прекрасно видел разницу между показной заботой о нём и слепой любовью мачехи к родному сыну Вэнь Чжо, но всё равно старался выказывать ей почтение и оберегал младшего брата.

Отец же, Вэнь Хай, питал к первенцу лишь холодное безразличие. В юности, ещё до того как унаследовать титул, он без памяти влюбился в столичную певичку Янь-нянь и ради этой женщины едва не лишился ног — старый гун лично избил его палками до полусмерти.

Даже женившись на благородной девице из рода Линь, Вэнь Хай не остепенился. Он тайно содержал свою любовницу на стороне, и к моменту рождения законного наследника Вэнь Шу его внебрачному сыну Вэнь Бо шёл уже третий год. Вэнь Хай даже вынашивал безумный план — записать бастарда под именем покойной супруги, чтобы лишить первенца законных прав.

К счастью, старый гун сохранял ясность ума. Он заставил непутёвого сына строго соблюдать семейные законы, в очередной раз проучив его плетью, после чего лично вписал имя Вэнь Шу

в родовые книги как законного наследника.

После смерти деда Вэнь Хай унаследовал титул. Он не смел открыто вредить сыну, опасаясь гнева влиятельной родни его матери, но при каждом удобном случае изводил придирками, тогда как бастарда Вэнь Бо превозносил до небес.

Маленький Вэнь Шу, пусть и одарённый недюжинным умом, рос без надёжной опоры. Из-за пустяков беспокоить семью матери он не решался, а потому сносил обиды молча, закаляя характер.

В прошлой жизни он души в себе гнев и разочарование, стараясь быть идеальным, послушным сыном. Он ведь был молодым господином великого дома, а значит — обязан являть пример братской любви и сыновней почтительности.

Даже старший дядя, пришедший тогда заступиться за него перед отцом, после долгого разговора наедине лишь сухо обронил: «Ты — внук маркиза Пинлэ. Твоё положение в этом доме непоколебимо. Наберись терпения, прими титул, а когда станешь полноправным хозяином, просто выстави всю эту сволочь за порог, выделив им пару грошей».

Вэнь Шу рос вопреки всему. С годами придирки отца становились лишь жестче. Старший брат Вэнь Бо не раз пытался известить его со свету, но Вэнь Хай закрывал на это глаза. Надеяться приходилось только на себя.

В пятнадцать лет он покинул столицу, поступив в ученики к великому учёному Нин Чжюаню. Три года он провёл в странствиях, постигая науки, и вернулся домой лишь в восемнадцать. Не прошло и месяца, как в поместье разразилась череда несчастий, унёсшая жизнь его молочного брата Чжэлю.

Гибель Чжэлю открыла ему глаза: в родном доме для него больше не было безопасного места. Отец, хоть и погряз в пьянстве и разврате, обладал отменным здоровьем, и рассчитывать на скорое наследство не приходилось. Отомстить за смерть названного брата законным путём было невозможно.

Тогда Вэнь Шу подстроил несчастный случай, в котором Вэнь Бо сломал ногу и на всю жизнь остался хромым. Не дожидаясь, пока разгневанный отец призовет его к ответу, он оседлал коня и бежал на северные рубежи, записавшись в армию. Там, в суровом краю вечной войны, он близко сошёлся с молодым генералом Фу Чжанем, с которым прежде они не ладили, и их вражда переросла в крепкую мужскую дружбу.

В эру Сиюань, на седьмой год правления императора, Вэнь Шу исполнилось двадцать лет. Обряд совершеннолетия на границе для него провёл сам великий генерал Фу Ишань.

Два года спустя Вэнь Хай прислал на заставу одно за другим три спешных письма, требуя немедленного возвращения сына в столицу. Лишь приехав, Вэнь Шу узнал причину такой

спешки: первенец хромого Вэнь Бо тяжело заболел, и лекари потребовали для спасения его жизни тысячелетний женьшень. Снадобья такого возраста ценились на вес золота, и благородные дома берегли их на крайний случай, не соглашаясь продать ни за какие деньги.

Вэнь Хай вспомнил о законном сыне лишь потому, что в приданом его покойной матери хранился именно такой корень. После её кончины мачеха, желая показать свою честность, созвала старых слуг и родственников, опечатала сундуки согласно описи и передала ключи кормилице Вэнь Шу.

Покидая столицу в пятнадцать лет, Вэнь Шу тайно вывез всё материнское наследство из поместья. Отец тогда лишь презрительно усмехнулся, назвав его мелочным и недостойным звания наследника великого дома.

Теперь же, когда судьба заставила его просить о милости, Вэнь Хай даже не подумал сбавить тон. Он принялся попрекать сына увечьем брата, заявляя, что долг Вэнь Шу перед хромым Вэнь Бо столь велик, что тот обязан отдать всё без остатка.

Вэнь Шу, разумеется, ответил жёстким отказом. Разъярённый отец грозился лишить его наследства и вычеркнуть из семейных списков. Но претворить угрозы в жизнь он не успел. В одночасье мир перевернулся.

Недавно погребённые мертвецы начали восставать из могил, ведомые запахом живой плоти, и стягиваться к городским стенам. Стражники, вышедшие на разведку, гибли один за другим, обращаясь в кровожадных чудовищ. Благодаря высоким каменным стенам столицы и быстрой реакции командира дозора, вовремя изолировавшего укушенных бойцов, первый натиск восставших мертвецов удалось сдержать снаружи.

Но беда пришла изнутри. Горожане один за другим падали без чувств, чтобы спустя время очнуться безжалостными тварями.

Этих новоявленных монстров выжившие позже окрестили фиолетовыми зомби — из-за синюшного, раздутого вида их тел. Обладая огромной силой, они не ведали боли и страха, но двигались крайне медленно и панически боялись солнечного света. Оружия против них хватало, и при должной сноровке даже обычный крестьянин мог одолеть такую тварь.

Конечно, простым это дело казалось лишь тем, кто пережил годы ада и набрался опыта. В первые же дни столица погрузилась в хаос. Самыми страшными палачами для людей становились их собственные близкие — стоило одному члену семьи обратиться, как вырезать остальных было лишь делом времени.

На самом деле яд фиолетового зомби поддавался лечению, но в самом начале катастрофы об этом никто не догадывался. Укушенным оставалось лишь в ужасе ждать неминуемого превращения.

Город превратился в филиал преисподней. Знатные усадьбы и бедные кварталы одинаково захлебнулись в крови.

В усадьбе Динго-гуна первым обратился больной ребёнок Вэнь Бо. Он искушал ухаживавших за ним служанок и нянек. Когда Вэнь Шу с мечом в руках пробился к его покоям, весь внутренний двор уже кишел обратившейся челядью. А трусливый Вэнь Бо, прячась за спинами личной охраны, исходил криком, требуя, чтобы слуги шли на верную смерть ради спасения его чудовища-сына.

Когда под клыками мертвецов полегли десятки людей, выжившие отказались подчиняться. Вэнь Бо в безумной ярости принялся размахивать мечом, калеча собственных защитников. Те в панике бросились врассыпную, открыв дорогу запертым в усадьбе монстрам. Хлынувшая волна тварей растерзала ещё несколько человек.

Поняв, что медлить нельзя, Вэнь Шу приказал своим верным гвардейцам навести порядок среди обезумевших слуг, вырезал прорвавшихся тварей, а усадьбу, до отказа набитую ходячими трупами, велел сжечь дотла.

Очистив остальную территорию поместья от затаившихся монстров, он приказал запереть ворота на все засовы.

По иронии судьбы, благородные хозяева усадьбы почти не пострадали. Смерть настигла лишь больного сына Вэнь Бо, да ещё одна из молодых наложниц отца оказалась поцарапана обратившейся служанкой.

С рассветом отправленные на разведку воины принесли неутешительные вести: весь город лежал в руинах, связь с императорским дворцом была прервана, а в густых тенях переулков шныряли распухшие уродливые твари. Выбраться из столицы тоже не представлялось возможным — у ворот скопились несметные полчища голодных мертвецов.

В то же время некоторые выжившие начали обнаруживать у себя необычные способности. Например, один из столичных врачей научился исцелять раны одним прикосновением руки — правда, прожил он недолго, став жертвой чужой алчности.

Сам Вэнь Шу тоже изменился. Его чувства обострились до предела: он мог расслышать шёпот за сотни шагов, а во время схваток движения врагов казались ему вялыми и предсказуемыми.

Поначалу эта сила давалась ему с трудом — стоило использовать её дольше четверти часа, как голову сдавливали тисками невыносимой боли. Кроме того, когда Вэнь Шу вёл своих бойцов в бой, он замечал, что их сила и выносливость возрастают. словно сама судьба давала человечеству шанс выстоять.

На третий день на улицы вышли остатки императорской гвардии, пытаясь зачистить город при свете солнца. Но толку от этого было мало: столица была слишком огромной, мертвецы

прятались в каждом подвале, и число заражённых росло с каждым часом.

Когда запасы продовольствия в городе подошли к концу, измученные голодом люди начали звереть. Они грабили склады и лавки, убивая друг друга за горсть риса. В те дни человеческая подлость унесла куда больше жизней, чем клыки чудовищ.

Отец Вэнь Шу от страха превратился в жалкое ничтожество. Увидев, как сын без лишних слов разрубил пополам ворвавшегося в дом мародёра, он раз и навсегда позабыл свой приказной тон.

Вэнь Шу презирал отца и всем сердцем желал прикончить трусливого бастарда Вэнь Бо, но вековые законы морали не позволяли ему поднять руку на родичей. К тому же в доме оставались ни в чём не повинные мачеха и младший брат. Он взял на себя заботу об обороне усадьбы и добыче продовольствия.

Ему удалось пробраться в поместье маркиза Пинлэ, но там его ждало лишь пепелище. Выживших родственников матери он забрал с собой под защиту стен усадьбы Динго-гуна.

Три месяца они держали оборону. Каждую ночь у ворот выли мертвецы, а днём приходилось отбиваться от обезумевших мародёров. Клинок Вэнь Шу затупился от бесконечной резни, а половина его верных воинов навеки осталась лежать в земле.

К четвёртому месяцу среди ходячих трупов начали появляться более быстрые и опасные чёрные зомби. Голод достиг предела. Обезумевшая толпа выбила ворота столицы, впустив внешнюю орду чудовищ внутрь. Начался суший ад. Волны мертвецов захлестнули улицы, обращая выживших в себе подобных. Засовы лопались под натиском тел, а из домов доносилось лишь чавканье и предсмертные хрипы.

На вторую ночь над императорским дворцом раздался величественный рёв золотого дракона. Ослепительный свет залил небо, и над Дворцом Вечной Весны раскинулся прозрачный купол, не подпускающий к себе нечисть. Напуганные горожане бросились к стенам дворца в поисках спасения под защитой императорской ауры.

Под началом Вэнь Шу находилось около сотни человек из усадеб Вэнь и Линь. Прорваться сквозь кишашие мертвецами улицы с такой оравой было почти невозможно.

Даже обладая нечеловеческой силой, Вэнь Шу не мог уследить за каждым. В суматохе его младший брат Вэнь Чжо оступился и был увлечён в толпу мертвецов. Мачеха зашла в истощенном крике, требуя спасти сына, но Вэнь Шу не остановился — задержка на долю секунды погубила бы весь отряд.

Он и подумать не мог, что эта женщина затаит в душе смертельную обиду. У самых ворот императорского дворца, когда спасительный купол был уже в нескольких шагах, обезумевшая от горя мачеха мертвой хваткой вцепилась в него и увлекла за собой прямо в копошащуюся

массу чудовищ.

Вэнь Шу до мельчайших деталей помнил свою смерть. Усталое, израненное тело отказалось повиноваться. Острые зубы мертвецов рвали плоть, из раны хлестала кровь, а сознание медленно угасало. Последнее, что он запечатлел перед тем, как провалиться в бездну, — это то, как голодные твари заживо пожирали его мачеху.

А его драгоценное семейство, ради спасения которого он три месяца проливал кровь, даже не оглянулось. Они бежали под купол, толкая друг друга, и лишь маленькая сестрёнка сквозь слёзы звала погибшую мать.

Так оборвалась жизнь наследника Динго-гуна. Ему было всего двадцать два.

Спустя семь лет скитаний в виде бездумного трупа, он переродился вновь, достигнув ранга Нетленных костей — Бухуагу. К нему вернулись разум, память и человеческий облик. Вот только человеком он быть перестал.

Его глаза горели багровым огнём, клыки удлинялись от запаха крови, кожа стала прочнее железа, а сам он мог мчаться наперегонки с ветром. Он стал королём зомби — бессмертным, вечно голодным и яростным.

В конце концов, устав от бессмысленного вечного существования, он решил уйти на покой. Мстить было некому: предавшие его родственники давно погибли в муках, а те немногие, кто выжил, влачили жалкое существование.

Сражения с другими высшими мертвецами за территории навевали лишь скуку. Вэнь Шу не разделял пристрастий своих собратьев Бухуагу к женщинам или вину. Тогда он поймал мутанта, управляющего пламенем, и заставил того жечь себя до тех пор, пока от его неразрушимого тела не осталась лишь горстка пепла.

Но судьба сыграла с ним злую шутку. Смерть не принесла долгожданного покоя — он очнулся в собственном двенадцатилетнем теле.

Что ещё страннее, его нынешнее тело менялось. Сила чувств, которой он обладал в прошлой жизни, вернулась гораздо раньше и крепла с каждым днём. Его физические показатели во много раз превосходили возможности обычных людей. Он пытался резать ладонь ножом — лезвие соскальзывало, оставляя лишь бледный след.

Он по-прежнему оставался человеком, но в его жилах дремала мощь Нетленных костей. Это делало его вспыльчивым и раздражительным, а временами в нём просыпалась глухая, неестественная жажда крови. Он завис на границе двух миров.

Зачем ему эта вторая жизнь? Вэнь Шу не знал. Мир вокруг не вызывал у него ничего, кроме

глухого безразличия. Повторять попытку самоубийства было глупо — с его нынешней регенерацией это принесло бы лишь лишние мучения.

Единственное, ради чего стоило жить, — дожждаться начала конца через десять лет и лично понаблюдать, как его благородная семейка будет корчиться в лапах мертвецов, чтобы потом лично предать их очищающему пламени.

На этот раз он не собирался строить из себя почтительного сына. Статус молодого гуна? Пускай забирают, кому он нужен. Лишь бы дожить до нужного момента.

Поэтому, когда отец решил сослать его с глаз долой под предлогом душевной болезни, Вэнь Шу лишь безмолвно согласился. Видеть каждый день эти самодовольные лица было выше его сил — он боялся, что сорвётся и прирежет их раньше времени.

Он и подумать не мог, что в тихой обители Баочэн обретёт столь забавного собеседника.

В прошлой жизни он слышал легенды о мутировавших растениях, обретших разум. То были чудовищные монстры — вроде той кровососущей лианы с тысячами щупалец, способной за секунды выпить целую армию. Но это мелкое чудо... Похоже, кроме приятного голоса и забавной глупости, природа не наделила его ничем грозным.

Раз уж провидение связало их, значит, этот дух принадлежит ему. Людям доверять нельзя, но духу? Проводить вечность в полном одиночестве слишком скучно, так почему бы не обзавестись карманным питомцем? Пусть у него есть свои тайны и он пытается неумело лгать — ребёнка всегда можно перевоспитать.

Ну а если он вздумает предать...

Глаза Вэнь Шу на миг полыхнули алым цветом. Он вернулся с того света не для того, чтобы снова позволить столкнуть себя в бездну.

Тем временем в своём уютном пространстве Ся Чэнь, даже не подозревая, с каким опасным существом его свела судьба, аккуратно пристроил цветок-громкоговоритель на полку. Разбирая запасы, он увлечённо делился мыслями с системой:

— Ну и мерзавец же отец этого Цзыцзяня! Бедный мальчик наверняка натерпелся от него вдоволь. Какая же у него тяжелая судьба, — вздыхал он, подперев щёки руками.

Это не было пустой жалостью — Ся Чэнь сам прошёл через ад семейного равнодушия и прекрасно знал, как невыносимо тяжело приходится беззащитному ребёнку в окружении жестоких взрослых. Хотя ему самому в прошлой жизни повезло чуть больше: он хотя бы был

здоров и имел средства к существованию, что позволяло ему просто не показываться дома и жить в общежитии. А Цзыцзяню идти было некуда — его услали в монастырь под благовидным предлогом, лишив дома.

Ся Чэнь ждал сочувственного ответа, но Ся Тунбань загадочно молчал.

— Эй, ты чего молчишь? Я в чём-то не прав? — удивился мальчик.

Вдруг перед его глазами замелькали строки системных оповещений:

[Обнаружен сбой... Запуск самодиагностики...]

[Проверка завершена. Системных аномалий не обнаружено.]

[Запуск сканирования на вирусы... Вирусов не обнаружено. Система работает в штатном режиме.]

Ся Чэнь нешуточно перепугался от этого внезапного каскада сообщений.

— Бань-эр, ты как? Всё в порядке?

Хоть система порой и бывала вредной, она оставалась его единственным верным другом в этом мире. Терять такого ценного помощника ему совсем не хотелось — починить искусственный интеллект в этих краях точно никто бы не смог.

[Всё в порядке,] — привычным, ровным голосом отозвалась система, проигнорировав странный сбой. — [В закрытом пространстве уровень солнечной энергии слишком мал для подзарядки Цветка-громкоговорителя. Рекомендуется перенести растение на открытый воздух.]

Ся Чэнь невольно поднял глаза вверх. В системном измерении всегда царил вечный весенний день, но солнца над головой действительно не было — лишь ровный белый купол.

— Точно, мне ведь нужен цветочный горшок, — пробормотал он, разглядывая пластиковую банку из-под лапши. — В таком виде цветок на улицу не вынесешь. Надо подыскать что-то приличное, а потом уже выставлять на солнце.

Сделав мысленную пометку, Ся Чэнь взял ещё одно Чудесное семя и посадил его в белый песок. Вода и земля, подаренные Сюй Хэлаем, ещё оставались, и он в точности повторил весь ритуал, надеясь вырастить второй Цветок-громкоговоритель.

Однако чудеса редко случаются дважды по заказу. На этот раз семечко не мутировало — к

вечеру на грядке созрел обычный куст томатов. Ся Чэнь сорвал один плод: кожица была тонкой, а мякоть — сочной и сладкой. Тоже неплохо.

На следующий день, помня о необходимости купить горшок для своего Цветка-громкоговорителя, Ся Чэнь после уроков обратился к старшему брату Ся Цзиньцзы, который пришёл забрать их с Нань-гээр из школы:

— Брат, давай задержимся в уезде? Мне нужно купить кое-какие мелочи на рынке.

Он готовился долго уговаривать брата, но тот на удивление легко согласился:

— Вот и отлично. Отец как раз дал мне денег и велел не спешить домой. Можем погулять, а если устанете — зайдём в гости к дяде.

Нань-гээр радостно захлопал в ладоши, требуя купить ему засахаренный боярышник на палочке. Ся Чэнь же невольно призадумался. Зачем отцу понадобилось отсылать их из дома, да ещё так открыто? Значит, дело было серьёзным, и отец не хотел, чтобы дети путались под ногами.

Ответ напрашивался сам собой: пришло время рассчитаться со старухой Лэй.

Эта зловредная прислуга когда-то обманом выманила его к реке, из-за чего он едва не утонул. Узнав об этом, отец сразу пообещал проучить негодяйку. Но шло время, а в доме ничего не происходило, и Ся Чэнь уже начал забывать об этом — он знал, что отец не оставит предательницу безнаказанной.

И лишь с началом весенней пахоты коварный замысел главы семейства прояснился. Отец просто отправил матушку Лэй работать в поле.

Её ведь покупали для лёгкой работы по дому — готовить еду да присматривать за чистотой. Семья Ся, за исключением самых младших, привыкла трудиться не покладая рук, поэтому домашние хлопоты старуху Лэй особо не утруждали, и жилось ей в усадьбе весьма вольготно.

И вдруг глава дома отправляет её трудиться наравне с мужчинами. С формальной точки зрения придаться было не к чему: она была купленной служанкой, и хозяин имел полное право использовать её труд по своему усмотрению. Старуха Лэй, мучимая страхом, что её старый грех раскрыт, не смела перечить и послушно тянула лямку на полях вместе с крепкими крестьянами.

Всего за месяц от былой дородности матушки Лэй не осталось и следа. Она сбросила добрый десяток цзиней, кожа на лице обвисла грязными складками, отчего она стала похожа на дряхлую, страшную ведьму. Пытаясь загладить вину, она как-то раз напекла сладких пирожков и попыталась разговорить Ся Чэня, но мальчик при виде неё устроил настоящую истерику, с

криками спрятавшись за спину отца. После этого даже маленький лакомка Нань-гээр обходил её стороной.

Женщины в доме поначалу удивлялись такому решению хозяина, но расспрашивать не решались — все знали, что господин Ся просто так людей мучить не станет, значит, было за что.

Наблюдая за тем, как отец медленно и изощрённо изводит злодейку, Ся Чэнь чувствовал, что справедливость наконец восторжествовала. Месть за его едва не обрубившуюся жизнь свершилась, и больше судьбой старухи Лэй он не интересовался.

Пахота подошла к концу, наступило относительное затишье перед летними заботами. Ся Чэнь невольно подивился практичности своего отца: сначала выжать из предательницы все соки на тяжёлых работах, а уже потом окончательно решить её участь. Истинно хозяйский подход — ни одной крошки даром врагу не оставит.

<http://bllate.org/book/18260/1758647>